

ТРИЗНА

Григорьевъ Самсоновъ

1855/1

на память

одъ М. Шевченка

Т Р Ы З Н А.

Т. Шевченка.

На память 9-го Ноября 1843 года, Княжнѣ Варварѣ

Николаевнѣ Решниной.

1844.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было
въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экзем-
пляровъ. С. Петербургъ 3 Апрѣля 1844 года.

Ценсоръ *А. Ожкинъ.*

Типографія Штаба Отдѣльн. Корпуса Внутр. Стражи.

П О С В Я Щ Е Н І Е.

Душѣ, съ прекраснымъ назначеньемъ,
Должно любить, терпѣть, страдать;
И даръ Господній вдохновенъ,
Должно слезами поливать.
Для васъ понятно это слово!....
Для васъ я радостно сложилъ
Свои житейскія оковы,
Священподѣйствовалъ я снова,
И слезы въ звуки перелилъ.
Вашъ добрый ангелъ освѣнилъ
Меня безсмертными крылами,
И тихостройными рѣчами,
Мечты о раѣ пробудилъ.

Яготынь, 11 Ноября.

1843.

Души ваши очистивше въ послушаніи истины
Духомъ, въ братолюбіи нелицемѣрно, отъ чиста
сердца другъ друга любите прилежно: порождени
и отъ съмени истлѣнна, но не истлѣнна, словомъ жи-
ваго Бога и пребывающаго во вѣки. Зане всяка плоть
яко трава, и всяка слава человѣча, яко цвѣтъ трав-
ный, изсше трава, и цвѣтъ ея отпаде: Глаголь же
Господень пребываетъ во вѣки. Се же есть глаголь
благовѣтствованный въ васъ.

*Соборное посланіе первое Святаго Апо-
стола Петра. 1, 22. 25.*

Въ Москвѣ, въ 1811 г.

1811

Двѣнадцать приборовъ на кругломъ столѣ,

Двѣнадцать бокаловъ высокихъ стоятъ;

И часъ ужъ проходитъ,

Ни кто не приходитъ;

Должно быть друзьями

Забыты они.

Они не забыты,—въ урочную пору,

Обѣтъ исполняя, друзья собрались,

И вѣчную память пропѣли соборомъ,

Отправили тризну—и всѣ разошлись.

Двѣнадцать ихъ было; всѣ молоды были

Прекрасны и сильны: въ прошедшемъ году

Найлучшаго друга они схоронили,

И другу поминки въ тотъ день учредили,

Пока на свиданье къ нему не сойдутъ.

«Счастливое братство! Единство любви

Почтили вы свято на грѣшной землѣ:

Сходитесь, други, какъ нынѣ сошлись,

Сходитесь долго, и пѣснею новой

Воспойте побѣду безъ злобы и крови!»

Благословенъ твой малый путь,

Пришлецъ убогій, неизвѣстный!

Ты, силой Господа чудесной,
Возмогъ въ сердца людей вдохнуть
Огонь любви, огонь небесный.
Благословенъ! Ты Божью волю
Короткой жизнью освятилъ;

• • • • •
Безмолвно ты провозгласилъ.

Когда братъ брата алчетъ крови—

Ты сочеталъ любовь въ чужихъ;

Свободу людямъ—въ братствѣ ихъ

Ты проявилъ, великимъ словомъ:

Ты міру миръ благовѣстилъ;

И отходя благословилъ

Свободу мысли,—духъ любви!

Душа избранная, за чѣмъ

Ты мало такъ у насъ гостила?

Тебѣ здѣсь тѣсно, трудно было!

Но ты любила здѣшній плѣнь,

Ты, непорочная, взирала,

Скорбя, на суетныхъ людей.

• • • • •
• • • • •
• • • • •
• • • • • и теперь

На міръ нашъ тёмный и лукавый

Съ тоской невинною глядишь.

Благоговѣю предъ тобою,

Въ безмолвномъ трепетѣ дивлюсь;
Молюсь, тоскующей душою,
Какъ передъ ангеломъ молюсь!
Сниди, пошли мнѣ исцѣленье!
Внуши, навѣй на хладный умъ
Хоть мало свѣтлыхъ, чистыхъ думъ;
Хоть на единое мгновенье
Темницу сердца озари,
И мракъ строптивыхъ помышлений
И разгони и усмири,
Правдиво, тихими рѣчами,
Ты Расскажи мнѣ все свое
Земное благо-житіе,
И научи владѣть сердцами
Людей кичливыхъ и своимъ,
Уже разтлѣннымъ, уже злымъ.....
Скажи мнѣ тайное ученье
Любить гордящихся людей,
И рѣчью кроткой и смиреньемъ
.....
Да провѣщаю гимнъ пророчій,
И долу правду низведу,
И погасающія очи
Безъ страха къ небу возведу.
И въ этотъ часъ послѣдней муки
Пошли мнѣ истинныхъ друзей,
Сложитъ хладѣющія руки,

И безкорыстія елей
Пролить изъ дружескихъ очей.
Благословлю мои страданья,
Отраднo смерти улыбнусь,
И къ вѣчной жизни, съ упованьемъ
Къ тебѣ на небо вознесусь.

Благословенъ твой малый путь,
Пришлецъ неславленный, чудесный!

Въ семьѣ убогой, неизвѣстной
Онъ выросалъ;—и жизни трудъ,
Какъ сирота, онъ встрѣтилъ рано;
Упреки злые встрѣтилъ онъ,
За хлѣбъ насущный... Въ сердцѣ рану
Змѣя прогрызла.... Дѣтскій сонъ
Исчезъ, какъ голубь боязливый;
Тоска, какъ воръ, нетерпѣливо,
Въ разбитомъ сердцѣ притаясь,
Губами жадными впилаась,
И кровь невинную сосала....
Душа рвалась, душа рыдала,
Просила воли,... умъ горѣлъ,
Въ крови гордыня клокотала....
Онъ трепеталъ... онъ цѣпенѣлъ....
Рука, сжимаяся, дрожала.....
О, если бъ могъ онъ шаръ земной

Схватить озлобленной рукой,
Со всѣми гадами земными;
Схватить, измять и бросить въ адъ!...
Онъ былъ бы счастливъ, былъ бы радъ.
Онъ хохоталъ какъ демонъ лютый,
И длилась страшная минута,
И міръ пылалъ со всѣхъ сторонъ;
Рыдалъ, нѣмѣлъ онъ въ изступленьи,
Душа терзалась страшнымъ сномъ;
Душа мертвѣла, — а кругомъ
Земля, Господнее творенье,
Въ зеленой ризѣ и цвѣтахъ,
Весну встрѣчая, ликовала.
Душа отрадно пробуждалась,
И пробудилась... Онъ въ слезахъ
Упалъ, и землю лобызаегъ,
Какъ перси матери родной!...
Онъ снова чистый ангелъ рая,
И на землѣ онъ всѣмъ чужой.
Взглянулъ на небо: «о какъ ясно,
Какъ упоительно—прекрасно!
О, какъ тамъ вольно будетъ мнѣ!...»
И очи въ чудномъ полуснѣ
На сводъ небесный устремляетъ,
И въ безпредѣльной глубинѣ
Душой невинной утопаетъ.

По высотѣ святой, широкой,
Платочкомъ бѣлымъ, одинока,
Прозрачна тучка въ даль плыветъ.
«Ахъ, тучка, тучка, кто несетъ
Тебя такъ плавно, такъ высоко?
Ты что такое? и за чѣмъ
Такъ пышно, мило нарядилась?
Куда ты послана, и къмъ?.....»
И тучка тихо растопилась.
На небѣ свѣтломъ;—взоръ унылый
Онъ опустилъ на темный лѣсъ...
«А гдѣ край свѣта, край небесъ,
Концы земли?.....» И вздохъ глубокій,
Не дѣтскій вздохъ, онъ испустилъ;
Какъ будто въ сердцѣ одинокомъ
Надежду онъ похоронилъ.

Въ комъ вѣры нѣтъ—надежды нѣтъ!
Надежда—Богъ, а вѣра—свѣтъ.

«Не погасай мое свѣтило!
Туманъ душевный разгоняй,
Живи меня твоею силой,
И путь тернистый, путь унылый
Небеснымъ свѣтомъ озаряй.
Пошли на умъ твою святыню,
Святымъ напѣемъ напой,

Да провѣщаю благостыню,
Что заповѣданна тобой!.....»

Надежды онъ не схоронилъ,
Воспрянулъ духъ, какъ голубь горній,
И мракъ сердечный, мракъ юдовый
Небеснымъ свѣтомъ озарилъ ;

Пошолъ искать онъ жизни, доли,
Уже прошелъ родное поле,
Уже скрывалось село,...

Чего то жаль внезапно стало,
Слеза рѣсницы пробивала,
Сжималось сердце и рвалось.

Чего-то жаль намъ въ прошломъ нашемъ,
И что-то есть въ землѣ родной....
Но онъ, бѣднякъ, онъ всѣмъ не свой,

И тутъ и тамъ. Планета наша,
Прекрасный міръ нашъ, рай земной,
Во всѣхъ концахъ ему—чужой:

Припалъ онъ молча къ персти милой,
И какъ родную лобызалъ,
Рыдая, тихо и уныло

На путь молитву прочиталъ....
И твердой, вольною стопою
Пошелъ... и скрылся за горою.

За рубежомъ родной земли

Скитаясь нищимъ, сиротою,
Какія слезы не лились!
Какой ужасною цѣною
Уму познанія купилъ,
И дѣвство сердца сохранилъ.

Безъ малодушной укоризны!
Пройти мытарства трудной жизни,
Измѣрять пропасти страстей,
Понять на дѣлѣ жизнь людей,
Прочестъ всѣ чорныя страницы,
Всѣ беззаконныя дѣла.....
И сохранить полетъ орла,
И сердце чистой голубицы!
Се человекъ!.... безъ крова жить,
(Сиротъ и солнышко не грѣетъ.)
Людей извѣдать—и любить!
Незлобнымъ сердцемъ сожалѣя
О недостойныхъ ихъ дѣлахъ,
И некощунствуя въ потьмахъ
Какъ царь ума. Убогимъ, нищимъ,
Изь-за куска насущной пищи
Глупцу могучему годить,
И мыслить, чувствовать и жить!....
Вотъ драма страшная, святая!...
И онъ прошелъ ее, рыдая
Ее онъ строго разыгралъ

Безъ слова; онъ не толковалъ
Своихъ вседневныхъ приключеній,
Какъ назидательный романъ;
Нераскрывалъ сердечныхъ ранъ,
И тму различныхъ сновидѣній,
И Байроническій туманъ
Онъ не пускалъ; толпой ничтожной
Своихъ друзей не поносилъ;
Чиновъ и власти не казилъ,
Какъ Н. глашатай осторожный,
И тотъ, кто мыслить безъ конца
О мысляхъ Канта, Галилея,
Космополита-мудреца,
И судить люди, не жалѣя
Роднаго брата и отца;
Тотъ лжепророкъ! его сужденья—
Полу-идеи, полу-вздорь!....

Провидя жизни назначенье,
Великій Божій приговоръ,
Въ самопытливомъ размышленьи
Онъ подымалъ слезящій взоръ
На красоты святой природы.
«Какъ все согласно!»— онъ шепталъ,—
И край родной воспоминалъ;
У Бога правды, и свободы
Всеми живущему молилъ,

И кроткой мыслию слѣдилъ
Дѣла минувшія народовъ,
Дѣла страны своей родной
И горько плакалъ.....

.
.
.

«Великимъ словомъ Божью волю
Сказать строптивымъ:—не поймутъ!
И на родномъ прекрасномъ полѣ
Пророка камнемъ побьютъ!»

.
.
.
.
.
.

Какъ тучи, мысли расходились,
И слезы капали какъ дождь!....

Блаженъ тотъ на свѣтѣ, кто малую долю,
Кроху отъ трапезы волѣнь удѣлитъ
Голодному брату, и злобнаго волю
Хоть властью суровой возмогъ укротить!—
Блаженъ и свободенъ!.... но тотъ, кто не окомъ
А смотритъ душою на козни людей,
И можетъ лишь плакать въ тоскѣ одинокой

О Боже правдивый лиши ты очей!...
Твои горы, твое море,
Всѣ красы природы,
Не искупятъ его горя
Не дадутъ свободы.

И онъ страдалецъ жизни краткой
Все видѣлъ, чувствовалъ и жилъ,
Людей извѣдавши любилъ,
И тосковалъ о нихъ украдкой.
Его и люди полюбили (•)
И онъ ихъ братіями звалъ;
Нашелъ друзей, и тайной силой
Къ себѣ друзей причаровалъ;
Между друзьями молодыми
Порой задумчивый, ... порой
Какъ волхвъ, вѣщатель молодой,
Рѣчами звучными, живыми
Друзей внезапно изумлялъ;
И силу дружбы между ними
Благословляя укрѣплялъ.
Онъ говорилъ, что обще благо
Должно любвию купить;
И съ благородною отвагой
Стать за народъ и зло казнить.
Онъ говорилъ, что праздникъ жизни
Великій праздникъ, Божій даръ,

(•) Какъ цвѣтокъ процвѣвшій на ихъ болотѣ.

Должно пожертвовать отчизнѣ,
Должно поставить подъ ударъ.
Онъ говорилъ о страсти пѣжной:
Онъ тихо, грустно говорилъ,
И умолкалъ!.... Въ тоскѣ мятежной
Изъ-за стола онъ выходилъ
И горько плакалъ. Грусти тайной,
Тоски глубокой, не случайной
Ни съ кѣмъ страдалецъ не дѣлилъ.
Друзья любили всей душою
Его какъ кровнаго; но онъ
Непостижимою тоскою
Былъ постоянно удрученъ,
И между ними вольной рѣчью
Онъ пламенѣлъ. Но межъ гостей,
Когда при тысячѣ огней
Мелькали мраморныя плечи,
О чемъ-то тяжело онъ вздыхалъ,
И думой мрачною леталъ
Въ странѣ родной, въ странѣ прекрасной,
Тамъ, гдѣ ни кто его не ждалъ,
Никто объ немъ не вспоминалъ,
Ни о судьбѣ его неясной.
И думалъ онъ: «за чѣмъ я тутъ?
И что мнѣ дѣлать между ними?
Они всѣ пляшутъ и поютъ,
Они родня между родными,

Они всѣ равны межъ собой:
А я!....» И тихо онъ выходитъ,
Идетъ задумавшись домой;
Ни кто изъ дому не выходитъ
Его встрѣчать; ни кто не ждетъ,
Вездѣ одинъ..... тоска, томленье!...
И свѣтлый праздникъ Воскресенья
Тоску сторичную несетъ.

И вянетъ онъ, вянетъ, какъ въ полѣ былина,
Тоскою томимый въ чужой сторонѣ;
И вянетъ онъ молча, ... какая кручина
Запала въ сердечной его глубинѣ?
«О горе мнѣ, горе! за чѣмъ я покинулъ
Невинности счастье, родную страну?
За чѣмъ я скитался, чего я достигнулъ?
Утѣхи познаній?.... клянупу ихъ, клянупу!
Они то мнѣ, черви, мой умъ источили,
Съ моимъ тихимъ счастьемъ они разлучили!
Кому я тоску и любовь расскажу?
Кому: сердца раны въ слезахъ покажу?
Здѣсь нѣту мнѣ пары, я нищій межъ ними,
Я бѣдный поденьщикъ, работникъ простой;
Что дамъ я подругѣ, моими мечтами?
Любовь..... Ахъ любви, любви одной!
Съ нее на три вѣка, на вѣчность бы стало!
Въ своихъ бы объятыхъ ее растопилъ!
О какъ бы я нѣжно, какъ нѣжно любилъ!»

*

И крупныя слезы, какъ искры низались,
И блѣдныя щеки и слабую грудь
Росили, и сохли. «О дайте вздохнуть,
Разбѣйте мнѣ черепъ и грудь розорвите, —
Тамъ черви тамъ змѣи, — на волю пустите!
О дайте мнѣ тихо, на вѣки заснуть!»

Страдалъ несчастный сирота
Въ дали отъ родины счастливой,
И ждалъ конца нетерпѣливо.
Его любимая мечта —
Полезнымъ быть родному краю, —
Какъ цвѣтъ, съ нимъ вмѣстѣ увядаетъ!
Страдалъ онъ. Жизни пустота
Предъ нимъ могилой раскрывалась:
Пріязни братской было мало,
Не грѣла теплота друзей:
Небесныхъ солнечныхъ лучей
Душа парящая алкала.
Огня любви, что Богъ зажѣгъ
Въ стыдливомъ сердце голубиномъ
Невинной женщины, гдѣ бь могъ
Полетъ превыспренный, орлиный
Остановить и соединить
Пожаръ любви, любви невинной;
Кого бы могъ онъ пріютить
Въ свѣтлицѣ сердца и разсудка,

Какъ беззащитную голубку
Отъ жизни горестей укрыть;
И къ персямъ юнымъ, изнывая,
Главой усталою прильнуть;
И цѣпеля и рыдая
На лонѣ жизни, лонѣ рая
Хотя минуту отдохнуть.
Въ ея очахъ, въ ея томленьи
И умъ и душу уточить,
И сердце въ сердце растопить,
И утонуть въ самозабвеньи.—

Но, было некого любить;
Сочетаваться не съ кѣмъ было;
А сердце плакало и ныло,
И замирало въ пустотѣ.
Его тоскующей мечтѣ
Въ грядущемъ что то открывалось,
И въ безпредѣльной высотѣ
Святое небо улыбалось.
Какъ воску ярого свѣча
Онъ таялъ тихо, молчаливо,
И на задумчивыхъ очахъ
Туманъ ложился. Взоръ стыдливый
На немъ красавица порой
Покою, тайно волновалась;
И симпатической красой

Украдкой долго любовалась.
И можетъ многія грустили
Сердца дѣвичія о немъ,
Но тайной волей, высшей силой
Путь одинокій до могилы
На камняхъ острыхъ проведя.
Изнемогалъ онъ, грудь болѣла,
Темнѣли очи, за крестомъ
Граница вѣчности чернѣла
Въ пространствѣ мрачномъ и пустомъ.
Уже въ постелѣ предмогильной
Лежитъ онъ тихъ, и—гаснетъ свѣтъ.
Друзей тоскующій совѣтъ
Тревожитъ духъ его безсильный,
Поочередно почевали
У друга вѣрные друзья;
И всякой вечеръ собиралась
Его прекрасная семья.
Въ послѣдній вечеръ собралися
Вокругъ предсмертнаго одра,
И просидѣли до утра:
Уже разсвѣтъ смыкалъ рѣсницы,
Друзей унылыхъ сонъ клонилъ,
И онъ внезапно оживилъ
Ихъ грустный сонъ огнемъ бывалымъ,
Послѣднихъ пламенныхъ рѣчей;
И други друга утѣшали,

Что черезъ семь иль восемь дней
Онъ будетъ пѣть между друзей.
«Не пропою вамъ пѣсни новой
О славу родины моей.
Сложите вы псаломъ суровый
Про беззаконія людей;
И вольнымъ гимномъ помяните
Предтечу друга своего.
И за грѣхи.... грѣхи его
Усердно Богу помолитесь.....
И со святыми упокой
Пропойте други надо мной!»

Друзья вокругъ его стояли
Онъ отходилъ, они рыдали
Какъ дѣти..... Тихо онъ вздыхалъ,
Вдохнулъ, вдохнулъ.... Его не стало!
И мѣръ пророка потерялъ
И слава сына потеряла.

Печально други понесли
На утро въ церковь гробъ дубовый,
Рыдая предали земли
Остатки друга; и лавровый
Вѣнокъ зеленый, молодой,
Слезами дружбы оросили

И на могилѣ положили;
И со святыми ушокой
Запѣли тихо и увыло.

Въ трактирѣ за круглымъ, за братскимъ столомъ
Ужъ подъ вечеръ други сидѣли кругомъ;
Печально и тихо двѣнадцать сидѣло :
Ихъ сердце одною тоскою болѣло.
Печальная тризна, печальны друзья!....
Ахъ, тризну такую отправилъ и я.

Согласьемъ общимъ положили
Чтобъ каждый годъ былъ столъ накрытъ
Въ день смерти друга; чтобъ забыть
Не могъ быть другъ ихъ за могилой
И всякой годъ они сходились
Въ день смерти, друга поминать.

Ужъ многихъ стало не видать :
Приборы каждый годъ пустѣли,
Друзья все больше сиротѣли—
И вотъ, одинъ ужъ, сколько лѣтъ,
Къ пустымъ приборамъ на обѣдъ,
Старикъ печальный, прѣзжаетъ;
Печаль и радость юныхъ лѣтъ
Одинъ, грустя, воспоминаетъ.
Сидитъ онъ долго; мраченъ, тихъ,

И поджидаетъ: «нѣтъ ли брата
Хоть одного еще въ живыхъ?»
И одинокій въ путь обратный
Идетъ онъ молча.... И теперь,
Гдѣ круглый столъ стоитъ накрытый,
Тихонько отворилась дверь,
И братъ, что временемъ забытый,
Вошолъ согбенный!.... грустно онъ
Окинулъ столъ потухшимъ взоромъ,
И молвилъ съ дружескимъ укоромъ:
«Дѣнтяи! видишь, какъ законъ
Священный братскій исполняютъ!
Вотъ и сегодня не пришли,
Какъ будто за-море ушли!»
И слезы молча утираетъ,
Садясь за братскій круглый столъ,
«Хоть бы одинъ тебѣ пришолъ!»
Старикъ сидитъ и поджидаетъ.....

Проходитъ часъ, прошелъ другой,
Ужъ старику пора домой.
Старикъ встаетъ: «да, измѣнили!
Послушай, выпей, братъ, вино,—
Сказалъ слугѣ онъ, —все равно,
Я не могу; прошло что было,—
Да поминай за упокой;
А мнѣ пора уже — домой!»

И слезы снова покатились.
Слуга вино, дивясь, выпилъ.
«Дай шляпу мнѣ.... какая лѣнь
Идти домой!...» и тихо вышелъ.

И черезъ годъ, въ урочный день
Двѣнадцать приборовъ на кругломъ столѣ
Двѣнадцать бокаловъ высокихъ стоятъ,
И день ужъ проходитъ,
Ни кто не приходитъ,
На вѣки, на вѣки забыты онѣ.

